ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО ИМПЕРАТРИЦА
ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА.

ЧУВСТВОВАНІЯ
МОСКОВСКАГО ЖИТЕЛЯ
ПО СЛУЧАЮ
ГОРЕСТНАГО ИЗВѢСТІЯ
О КОНЧИНѢ
ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

Сочиненіе СЕРГѢЯ ГЛИНКИ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
МОСКОВСКАЯ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКАЯ
АКАДЕМІЯ

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ
1826.

Печатать позволяется съ представленіемъ 5 экземпляровъ въ Цензурный Комитетъ для Казенныхъ мѣстъ. *Мая 24 дня, 1826 года.* Сію рукопись разсматривалъ Профессоръ Спасскій Совѣтникъ и Кавалеръ

ЛЕВЪ ЦВѢТАЕВЪ

ПРАХУ

НЕЗАБВЕННОЙ

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ:

ПОСВЯЩАЕТЪ

СІЮ СЕРДЕЧНУЮ ЖЕРТВУ

БЛАГОДАРНЫЙ ОТЕЦЪ СЕМЕЙСТВА,

1813 года

МИЛОСЕРДОЮ ЕЯ ДЕСНИЦЕЮ

ВОЗСТАНОВЛЕННЫЙ НА ПОПРИЩѢ ЖИЗНИ И ТРУДОВЪ.

ЧУВСТВОВАНІЯ

МОСКОВСКАГО ЖИТЕЛЯ

ПО СЛУЧАЮ

ГОРЕСТНАГО ИЗВѢСТІЯ

О КОНЧИНѢ

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

Не спало и Тебя, Царица душъ, сердецъ!...
Одной любовію украшенный вѣнецъ
Изчезъ, погасъ, померкъ: изчезъ какъ сновидѣнье.
Ахъ! наша жизнь одно печальное мгновенье.
До гроба хладнаго отъ колыбели мы
По терніямъ идемъ средь горестей и тьмы.
Мелькнетъ ли ясный лучь? онъ быстро пролетаетъ,
И часто новую лишь пропасть освѣщаетъ.
На прахѣ семъ земномъ нашъ жребій — слезы лишь,
Влачитъ жизнь тягостну и въ жизни сей не живъ.
Нашъ первый вздохъ — есть стонъ; едва себя узнаемъ,
Въ волненіи страстей, какъ будто изчезаемъ.

Какъ бренная ладья, отставъ отъ береговъ,
По волѣ яростныхъ вращается валовъ;
Такъ слабый праха сынъ уносится страстями:
Онъ узникъ горестный, окованный мечтами.

О, Ангелъ нашихъ дней! не стало и Тебя!
Желали бъ въ горести мы позабыть себя.
Желали бъ!... и Тебя невольно вспоминаемъ;
Еще словамъ Твоимъ душевнымъ тѣмъ внимаемъ,
Въ которыхъ излила скорбь сердца Своего:
Нѣтъ! не забудемъ мы вѣщанья Твоего:
»Нашъ Ангелъ въ небесахъ!« Ты къ Матери писала:
»А Я еще дышу! Я сиротою стала.
Нѣтъ друга Моего! а Я—дышать должна:
Я тягостную жизнь влачить осуждена!
Съ однимъ—все кончилось! пуста теперь вселенна
За другомъ мысль Моя въ иной міръ устремленна...
Нѣтъ! нѣтъ! Я не одна: Его Я вижу прахъ;
Улыбка милая блеснула на устахъ.
Онъ счастливъ: видъ Его Меня въ томъ увѣряетъ;
Меня Онъ за Собой въ міръ лучшій призываетъ.
Мнѣ пережить Его!... Съ нимъ скоро встрѣчусь Я;
Въ надеждѣ сей теперь отрада вся Моя.
Почто завидуютъ судьбинѣ возвышенной?
Что можетъ въ мірѣ льстить душѣ—всего лишенной?

И что почувствую, когда безцѣнный прахъ
Оторгнутъ отъ Меня? . . . Могуль жить въ тѣхъ
мѣстахъ,
Гдѣ радости Моей послѣдній лучь встрѣчала;
Гдѣ счастлива была?... Я съ свѣтомъ связь прервала;
О, Матерь нѣжная! живу Тобой одной;
Въ объятія Твои стремлюсь Моей душой.
Чтобъ на Тебя взглянуть, въ томъ все Мое желанье;
Съ сей мыслію — Мое переношу страданье! . . . . »

Нѣтъ, Незабвенная ! нѣтъ! Ангелъ нашихъ дней!
И съ Матерью Ты здѣсь не свидѣлась своей! . . .
Когда къ свиданію нѣжнѣйша Мать летѣла,
Уже въ объятіяхъ Ты смерти леденѣла.
Лучь утренней зари природу озарялъ,
А для Тебя тогда міръ скорбный изчезалъ;
Другая для Тебя тогда жизнь восходила:
Казалось кротостью и смерть Ты побѣдила !
Блескъ жизни самъ собой погасъ въ Твоихъ очахъ ;
Ты *съ утренней зарей проснулась въ небесахъ!* (1)

Надежда лестная! подруга ожиданья !
Златую чашу Ты подносишь намъ мечтанья,

---

(1) Покойная ИМПЕРАТРИЦА скончалась на разсвѣтѣ 4 Мая.

И заблужденіе мы изъ нее лишь пьемъ:
Превратность на землѣ встрѣчается во всемъ.
Въ тѣ дни, когда еще къ отрадѣ душъ и свѣта,
Спрадальцевъ нѣжна Матнь, жила ЕЛИСАВЕТА;
Тогда, какъ Ангельской душой еще цвѣла
И добродѣтелей примѣромъ всѣхъ была:
Тогда, увидѣться спѣша съ ЕКАТЕРИНОЙ, (*)
Какою лютою сразилася судьбиной! . . .
Почти уже на шагъ отъ милой бывъ родной
Узнала, что Она объялась смертной мглой!

Ахъ! гдѣжъ собыше надеждъ, отрадъ душевныхъ?
Мы жертвы перемѣнъ и горестей вседневныхъ. . .
И мы ласкалися, что древній градъ Царей
Сердечну принесетъ ЦАРИЦѢ дань Своей.
Ужъ зрѣли мы Ее душевными очами;
Нетерпѣливыми стремились къ Ней сердцами:
Мечтали, что среди прекрасныхъ лѣтнихъ дней,
Веселый видъ долинъ и радостныхъ полей,
Хотя Ей малое доставятъ развлеченье:
Мы знали, что вся жизнь Ея— благотворенье.
Вдовица, сирота ужъ ждали нѣжну Мать;
И милосердую ласкались длань лобзать.

(*) Съ ЕКАТЕРИНОЮ ПАВЛОВНОЮ, Королевою Вирпембергскою.

Но Ангельская длань на вѣкъ ша охладѣла,
Которая сердца живишь другихъ умѣла!

Исполнилъ ли, Творецъ! Ты надъ Россіей судъ?...
Неосушенные ручьи вновь слезъ шекутъ.
Россія облеклась завѣсой гробовою;
Мы слабы, мы въ спрастяхъ виновны предъ Тобою;
Но дѣши мы Твои; Ты нѣжный нашъ Ошецъ:
Ахъ! уполи печаль всеобщую сердецъ!
Спонаютъ въ хижинахъ, спонаютъ на Престолѣ:
Судьба людей всегда въ Твоей всевластной волѣ.
Пошлешь ли ясны дни? вновь спанемъ вспомишашь,
Что Ангелъ къ Ангеламъ ошъ насъ Тобою взятъ.

Забышь Ее! шогда бъ себя мы позабыли!
Мгновенья всѣ Ея добра дѣлами были.
Для счастія людей душа Ея жила;
Страдальцевъ Ангеломъ - Хранишелемъ была.
Она, какъ будшо бы, величье забывала;
По благосши одной его воспоминала.
Какъ шихаго ручья поверхносшь ясныхъ водъ
Во всемъ величіи вмѣщаетъ горній сводъ
И отражаетъ въ нихъ свѣшила дня сіянье:
Такъ добродѣшелей небесныхъ сочешанье

Во глубинѣ души свѣтилося Ея.
Какъ будто отъ Себя Самой добро тая,
Невидимой рукой Она его творила
И снова съ жизнію печальнаго мирила.
Съ возвышенной душой Ея равнялся умъ;
Не льстилъ Ея молвы всегда превратный шумъ;
Уединеніемъ Она жизнь ограждала;
Въ чертогахъ дружбою за дружбу воздавала.
Вкусъ оцѣнялъ Ея Россійскихъ музъ цвѣты.
Въ Ней зрѣли образецъ той дивной простоты,
Которая свое величіе смягчаетъ
И кротость лишь одну душевную являетъ.
Верхи высокихъ горъ теряясь въ облакахъ
И въ слабыхъ смертнаго теряются очахъ;
Но тамъ сближаются вершиной съ небесами:
Великій духъ отъ насъ такъ отдаленъ дѣлами,
Свидѣтельница ихъ небесная страна;
Такимъ величіемъ блистала здѣсь Она.
Россія, градъ Петровъ, все такъ о Ней вѣщало,
И сердце сердцу вѣсть всегда преподавало.

Мы не хотѣли бы о тѣхъ воспомнить дняхъ,
Когда нашъ свергнуть край грозился гордый врагъ;
Сажени онъ земли мысль отдалъ о вселенной!
Не станемъ возмущать его прахъ отдаленной.

Громъ славы пролетѣлъ; зашихъ въ могилѣ онъ:
Кровавый славы блескъ одинъ лишь смутный сонъ.
Но жизнь, жизнь новая о благости вѣщанье;
Отрада въ горести — любви воспоминанье.
И такъ, когда нашъ край пожарный дымъ объялъ,
И облакомъ своимъ блескъ солнца затемнялъ;
Какъ солнце новое ЦАРИЦА душъ сіяла,
И къ сердцу общія напасти принимала.
Опустошенная вновь разцвѣла земля;
Живилось Ею все и души и поля.

И уже нѣтъ Ее! для Ней изчезло время;
И горести съ Нее низвергло тяжкой бремя.
Ахъ! Незабвенную дерзнемъ ли укорять,
Что медленно Она рѣшилась угасать;
Что дань послѣднюю, жизнь другу отдавала
И прахъ земной забывъ, на небо лишь взирала?..,

Нѣтъ! нѣтъ! роптанія удержимъ мы свои;
Тамъ, Незабвенная! тамъ радости Твои.
Младенцы милые тамъ МАТЕРЬ ожидали,
Которую не *здѣсь*, но *тамъ* Ее узнали.
Тамъ ждалъ ТЕБЯ СУПРУГЪ: тамъ жизнь была Твоя,
Тамъ встрѣтила ТЕБЯ вся милая семья.

Но не ропщи на насъ; невольно слезы льются.
И мысли за ТОБОЙ и въ слѣдъ сердца влекутся.
Въ знакомый край ТЕБѢ Самъ Богъ пути отверзъ;
Душа Небесная родилась для Небесъ.

Маія 25 1826 года.
Москва.